

Танька-Алерт / глава из романа «Время янтаря»

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Танька-Алерт / глава из романа «Время янтаря» ТАНЬКА-АЛЕРТ

Перстеньки в янтарных точках брошены Яном как игральные кости на пергамент фолианта спящей красавицы. Солнце мёртвых араукарий увязло меж насекомых жал древней смолы и теперь пробивалось оттуда в иной мир. Тугой осиный свет впитывался в иссохший пергамент книги-тофаны, и её новая кровь дурманила Яна. Янтарная лупа кривила буквами узоры и бороздки дышавшей кожи, чьи ожившие фолликулы, казалось, даже пускали волоски для аква-тофановой кисточки, чтобы перенести прочитанное на прелести Таньки, которые вырастали у тофаны вслед за горгоньей головой. Танька прикрывала прелести руками, притопленные в зрачках радужки выныривали вновь, одним дымным кольцом, другим, третьим, шестнадцатым... И уста танькины раскрывались лепестками, будто у неё был не один рот, но множество, вложенных один в другой, чтобы по-миножьи сладко присосаться поцелуем, опасаясь, нужно ли для боди-арта раздеться ниже пояса, ибо... во всем был виноват её «Энгель-из-Ко».

«Энгель-из-Ко», небесный бетховен Таньки, ныне старый рояль бабушки Серафимы Толстовской, повредил крыло при кавалерийской транспортировке её отцом-тухачевцем из Польши. Поэтому вдохновлял это семейство подбитый и огрузневший ангел с огрехами (вспомнить Варвару).

Ночное холодное пятно для высадки Аполлонов – лишь пыльный блинчик с орбиты главной, огромной Луны нелюбви, занимающей полнеба и загораживающей огромное страстное Солнце. Шефа Энгеля и компании. Мы не видим, но лишь чувствуем этот наш настоящий спутник, как безлюбного наблюдателя за зеркалом в ментовках-лубянках, потому что его ледяная амальгама прозрачна в одну сторону и сквозь него просвечивают звёзды.

Отчего частенько и горазило Таньку вильнуть на тeneвую

сторону мира, подвергая собственную задницу нелюбовному воздействию, пока подоспевшие наконец бетховенские силы не подтаскивали её к свету. Так и сейчас, стеснялась Танька оголиться ниже пояса для художеств Яна, ибо после трамвайного за ним шпионажа была почти заловлена загородной урлой, успели, правда, лишь разок хлестнуть под задравшейся юбкой облепиховой дранью, остальное беглый тушканчик, поддёргиваемый за шкурку, сам себе исколол в сушняковом треске, где кажется некий гневный мойдодыр пролагал девочке путь к отступлению. Ангельская прыгучесть! Однако долго ли, коротко ли, но была-таки исцарапанная, жавшаяся Танька расписана тофановыми словами («утопия»? «увешия», «уплашия?»), а на следующий день пропала.

Чёрный провод, привычно сжав кольца вокруг призрачной коммутаторши, раздвоенной искрой ужалил телефон, Яна, его отца, воздух. Красочные события, свинчиваясь исчезнувшим человеком в пробитые дырочки микрофонного стока, становились странными совпадениями в прошлом, в которых, сквозь бледно-поганое сегодня, Ян разглядывал дорогой след.

Танька пропала с вечера, о чем яновому отцу, примчавшемуся в учительскую, сообщила валидольная бабушка Серафима, отпущенная из больницы. Дмитрий Патрикеевич, замминистра местной промышленности, часто помогал школе тем-сем, и теперь, помимо лисьих нарядов милиции, усиленных в листопадах, и министерских, в подвальных отгулах, добровольцев, обстрекотываемых тараканьими паханами, в кессонных прудах Таньку искали гангреной расцветки водолазы в комариных личинках, обменивавших прелую кровь утопленников, а вслед за клочком горошкового платя в вертолетном торнадо взмывали суслики и та самая пригородная урла, чихая в колком соре измученного ревностью сушняка, где недавно, в сумеречном направлении, стремительно мелькнул шелковый девичий загривок. Ибо знал Лис Патрикеевич, что надеяться найти девочку можно именно в первые часы после пропажи.

А когда эти часы прошли, бабушка Серафима Толстовская на колеснице, запряженной insultными орлами, через потрясённый горхоз привезла своего названного брата, ещё в больничной

пижаме, в кабинет замминистра, уже не раз скрипевший деревянными панелями от органной одышки пиджака из первого отдела – по поводу оперного оккультиста, но Дмитрий Патрикеевич был готов на всё и оккультист получил уколы в министерском здравпункте и спецтехнику. Укольная фельдшерица поигрывала янтарными перстеньками в газике, отправившемся в пригород к обрывку платья в горошек.

Несмотря на скепсис особистов, Гобсек уже не раз работал поисковиком в этой пригородной низине. Сюда, предреволюционно бунтуя, с гор спустились аборигены, вырезали и сожгли все, из-за солдатчины практически женские, станицы. За полвека в дикой степи они украсились шелковицей, воронежской малиной, даже подземной бахромой. В налитом до красноты картофеле стал глухо бухать пульс солдаток, в аритмичной спевке с гулками клубнями в спекшейся Померании, тепличным урожаем под рекрутами-мужьями. Так как всё живое стремится к живому, то корни и клубни, постепенно грубея, тянулись навстречу друг другу, припамирские к померанским, с кристаллом растущей днк их огородников, повторяя междеревенское сватовство. Пока закаленная в породах рубиновая сеть не замерцала новой, огнеупорной с померанским флером русской станицей с приземистыми поселянами в искристых кушаках и кокошниках.

Ну а подгорелые, но на пепелище выстоявшие шелковицы за годы народной власти сплели с саксаульными тарантулами свою сеть, не менее переливчатую, ковровой прочности, прорываемой лишь шипами дикой малины, которая колола пальцы Простынке, дачнице кооператива, отважно въевшегося после войны в зачарованный шелковичник-саксаульник. Быстро окутавший шесть георгиновых соток в сонный кокон. У красавицы была особенная, пикантная скуластость, ничуть не напоминавшая жвалы на соседних участках, а по утрам слегка чесалась спина, загорев до махаонной шершавости, мелькая днём в георгиновых трудах. Матовый отлив к вечеру позволял ей ныть как скрипке, показывая Гобсеку пару новых черепков и черепов, выкопанных между цветами. Надувались вечные ямочки у вспотевших скул – да, Танька была здесь, немного взъерошенная и исцарапанная, на допзании после Яна, но благополучно добралась до станции,

куда Простынка проводила её, благо была танькиной confidentкой из-за своей немлекопитающей резистентности к яновому шарму. Гобсек ковырнул глазницы, вылизанные лысой кошечкой-сфинксом, генетической любительницей ископаемых находок. Простынка, подруга его жены, часто приносила их в город, иногда с сюрпризом – уцелевшей русой косой, похожей на змею вещего Олега.

Впрочем, брезентовый вездеходик с сомлевшей фельдшерицей всё же предался топографической разведке окрестных просек, опушек и сушняка над реестровой станичной землёй, в которой, как казалось небесному бетховену Таньки, было что-то бумажное от изрубленных в щепу изб, риг и овинов, дети же и молодушки забритых станичников стали водяными знаками под помпейской лавой, вытекшей из аборигенских голов, где затем воцарились ветры гор и песни Тенгри.

Молодые непрожитые жизни оставили в этой местности органическое напряжение, вплоть до оборотных физических сил, так что почва, как болотный батут, временами отталкивала газик, которому исправно подмахивали ладные фельдшерицы коленки.

– Там старая водка, – рассмеялась фельшерица, постукивая по сверкнувшей шприцевой колбочке с желтоватым успокоительным. А вот теперь осторожно, подумал шаман, любивший охмурять девочек. Если призма поймала незапамятную звезду, приблизив её бездны, то, посмотрев сквозь сплющенное время на божье сегодня, узришь очертания дня Судного.

И действительно, шприц брызнул в сторону, а фельдшерица уморительно заверещала. Перед включенными фарами газика что-то возникло. Блуждающие огоньки и сияющие туманы были в газоносной местности известны, но, хотя фельдшерица и переутомилась, то были явные фигуры.

На самом ли деле они появились из-за янтарного шаманства? Или же, естественно реагируя вместо лунного на электрический свет, беспокойные остатки днк выстроили из летучей прели наброски девичьих форм, а морок сухого болота обрядил их по-мужицки или по-казацки? А может сейчас просто раздастся смех реконструкторш из соседнего пионерлагеря? Девственниц с

разодранными вышиванками? Во всяком случае, Таньку они не напоминали.

Потому что то, что осталось от Таньки, было – сначала городским стоком, а затем большим оросительным каналом – расплёрсано по обширной площади, так что фосфоресцирующие крапки образовали лишь слаборазличимую дымку. Ибо пропала она далеко отсюда, в городе, рядом с домом.

Совсем зафальшивили настройки ангела-хранителя и потерял Энгель ориентацию в теневом мире, где подопечная осталась навсегда, цапнутая за сердобольно поднятые с беломоринами кисти рук зазаборными зэками, ловко через забор соседней химии перегнувшимися и, в удержании за штанины всем легионом, втащившими на стройку народного хозяйства лежащую добычу в трусиках в горошек, который недолго остался на месте, как и сатиновое платье, и лифчик, и суставы на ногах и руках распластанного цыплёнка табака с раздавленным тазом. И было это так несправедливо, что весь теневой мир с разодранным по косточкам цыплёнком, или, из другого меню, бурёнушкой, был отцеплен от светлого и отправлен в вечное скитание в холодный мёртвый космос, стукаться как неудачный бильярдный шар с равнодушными холодными лунами и вырос другой, ответвлённый от того момента когда, предвкушая небольшой навар в папиросном киоске, потянулась Танька за табачным рублём от слабоизолированного контингента, на сей раз редуцированного культмассовым вечером до одного дневального отщепенца с яхонтовой финкой-приманкой в каптёрке, откуда, с искристыми ладонями, почти неповреждённая, хотя и описавшаяся Танька выбежала к уличным Манечкам, к народным рецептам – как бросать самоцветные глазки в тазик с припарками от многомесячных, мучительных белей, бесконечного Млечного пути, куда был отправлен и второй пробный мир..

И появился третий, окончательный, где исхлестанная урлой Танька выбралась из мелкопакастного, не упускавшего своё бурелома прямо у деревянного полустанка, вернее отсыревших дровней, в очередной раз не способных заняться от ударявшего в них огненного смерча пригородного следования, но лишь гудевших, содрогаясь от едких плевков и окурков, ибо то был

полустанок – заминка эволюционного развития, где забитая электричка, пытаясь, теряла свои токоприемники и над ней нависал рудиментарный дымный демон, который и толкал сейчас свое пансоставное достоинство в близлежащий Аид вместе с забившейся под тамбурный тормоз Танькой, окружённой тёмной, в сигаретных огоньках, материей, ожидавшей своей очереди перед межвагонной судорожной гармошкой, где верещала и билась не то ржавая кикимора вагонная, не то такая же, как Танька, невезучая девчонка, севшая в вагон на предыдущей остановке. Хотя вроде и час урочен, и контингент рабочий... Но тут танькин вечно опаздывающий Энгель-из-Ко бросил-таки свою резную, викторианскую, дубовую ногу перед головным буфером, поезд сильно встряхнулся и сквозь тамбурный визг и скрип пробил-таки Таньку в переполненный вагон, где и без того бледной, малокровной, в третий раз клонированной девочке так придавили оцарапанные, потертые места, что из израненной кожи жгучие звездочки вошли вглубь девичьих укромностей и выше, так что Танька изошла потными, едва пошипывающими облачками – утопия, увешия, уплашия – и в духоте под потолком вагона воцарила свое звездное, дурманное разумение, что села на поезд не в ту сторону.

Об авторе: КИОР ЯНЕВ

Родился во времена развитого социализма в Средней Азии. Детство провёл во Фрунзе и Алма-Ате, юность в Москве, молодость в Германии. Учился в Щуке в Москве и в Людвиг-Максимилиане в Мюнхене, занимался филологией и режиссурой. Живет в Германии и в России. Роман «Южная Мангазея» вышел в издательстве Яромира Хладика в Петербурге (ранее, фрагменты – в «Бельских просторах»). Готовится к выходу немецкий перевод романа в берлинском издательстве Matthes&Seitz. «Танька-алерт» – глава из нового, неопубликованного романа «Время янтаря». Небольшой фрагмент про ту же Таньку можно прочитать в «Полутонах». Некауáлар